

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81'27
ББК Ш100.4

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

О. К. Андриященко
Павлодар, Казахстан

O. K. Andryushchenko
Pavlodar, Kazakhstan

ТИПОЛОГИЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ВЕДУЩЕЙ ИНТЕНЦИИ ОБЕЩАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА КАЗАХСТАНСКИХ ПОЛИТИКОВ

TYPOLOGY OF INTENTIONAL MEANINGS OF THE LEADING INTENTION OF PROMISE IN THE CURRENT POLITICAL WORLD PICTURE OF KAZAKHSTAN POLITICIANS

Аннотация. На материале предвыборных листовок рассматриваются обещания казахстанских политиков. Устанавливается малоупотребительность прямых обещаний, анализируются формальное выражение и коммуникативный смысл используемых разновидностей обещания (намерения, желания, стремления, клятвы).

Abstract. On the basis of pre-election leaflets promises of Kazakhstan politicians are studied. Low frequency of direct promises is proved, formal expression and communicative meaning of the promises used in the texts (intention, desire, aspiration, vow) are analysed.

Ключевые слова: ведущая интенция; обещание; перформатив; интенциональное значение; политическая картина мира; коммуникативный смысл.

Key words: leading intention; promise; performative; intentional meaning; political world picture; communicative meaning.

Сведения об авторе: Андриященко Ольга Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы.

About the author: Andryushchenko Olga Konstantinovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of the Russian Language and Literature.

Место работы: Павлодарский государственный педагогический институт (Казахстан).

Place of employment: Pavlodar State Pedagogical Institute (Kazakhstan).

Контактная информация: 140 011, Казахстан, г. Павлодар, ПГПИ, ул. Торайгырова, 58, к. 501в.
e-mail: olga_pav_pgpi@mail.ru.

В политических текстах предвыборного периода центральное место занимает речевой акт обещания, определяющий границы коммуникативного общения (если избиратель согласен с кандидатом, то проголосуют за него, если обещания кандидата не заслуживают доверия, то кандидат теряет поддержку на выборах). Для современной политической картины мира казахстанских политиков характерно функционирование жанра листовки, которая значительно отличается от других жанров предвыборного дискурса, таких, как дебаты, политическая реклама, спецбюллетень, лозунг и т. п., и является наиболее распространенным и эффективным средством агитации в казахстанском предвыборном дискурсе. Это обусловлено следующими факторами: распространенность и эффективность листовки, безусловно, связана с менталитетом казахстанского общества, унаследованного из советской действительности: казахстанцы больше доверяют печатному слову, чем устному, например дебатам, интервью, рекламе и т. п.; листовка имеет небольшой объем, содержит в кратком виде самую необходимую инфор-

мацию, что делает ее экономичной в плане времени, затрачиваемого на ее прочтение; листовка имеет четкую, строго закреплённую композицию, что облегчает ее запоминание и, соответственно, она более прочно усваивается избирателями; к тому же листовка эмоциональна и экспрессивна, что делает ее мощнейшим средством манипулирования эмоциональной частью сознания людей. Смысловым ядром листовки выступает речевой акт обещания, который со временем претерпел семантические изменения и в политической коммуникации стал использоваться во вторичных значениях [См. об этом: Андриященко 2008а, 2008б, 2009, 2013]. Прагматическая направленность листовки (заставить проголосовать за кандидата) опирается на убедительность обещания.

Перформатив *я обещаю* содержит семантику обязательства данного слова, такие конструкции привлекают внимание адресата, так как в них видят ярко выраженный образ автора, который предлагает свою помощь: *Обещаю любое начатое дело довести до успешного завершения. Уверен, что мои профессиональные знания, жизненный*

Материалы Международной научной конференции «Политическая коммуникация» (24—26 сентября 2013 года, Екатеринбург).

© Андриященко О. К., 2013

опыт, умение решать конкретные задачи позволяют быть достойным доверия избирателей (из предвыборной листовки В. И. Кабурнеева); Я люблю этот город, он стал для меня родным. Меня часто упрекают в том, что я приезжий. Я не обижаюсь, пускай каждый „приезжий“ сделает для Павлодара хотя бы одно доброе дело. Я обещаю и впредь заботиться о нашем городе, об интересах горожан (Из предвыборной листовки Г. Акопяна).

На основании материалов листовок приходится констатировать сравнительно небольшое количество эксплицируемых обещаний. Часто семантика обещания заменяется разными видами косвенной многоступенчатой связи. Кандидатам выгодно давать неопределенные обещания, заменять их словами с абстрактной, неконкретной семантикой. Как известно, в политике как таковой мало места верифицируемым обещаниям. Так, по мнению Б. А. Ахатовой, участники политического процесса заинтересованы в присутствии смысловой неопределенности в языке политики: «Смысловая неопределенность политического дискурса способствует манипулированию общественным сознанием. Неопределенность создает благодатную почву для приглушения неблагоприятной информации, ее вуалирования; сокрытия объективной информации; замалчивания персональной ответственности (для снятия ответственности)» [Ахатова 2005: 21].

М. В. Ильин полагает, что по своей природе политическое понятие оказывается «сущностно оспариваемым», поскольку они не допускают «не только терминологизации (установления жестко ограниченного значения, смысловой, а фактически операционной, непротиворечивости использования для определенных областей деятельности и ситуаций) и сколько-нибудь надежной конвенционализации смысла (нормативного или прагматического согласия о пределах значения слова), но, напротив, принципиально ориентированы на постоянное генерирование новых смыслов, определяемых развертыванием политического дискурса и контекстами» [Ильин 1997: 22].

Достижение успешности данного речевого акта осуществляется за счет конструкций прямого воздействия (адресант → адресат) и наименее успешно при воздействии косвенном/опосредованном (адресант → посредник (доверенное лицо) → адресат). При использовании конструкций от первого лица адресант создает атмосферу непосредственного участия в предвыборной коммуникации. Данная связь является прямой и предоставляет больше шансов на успех канди-

дату в ситуации выборов, так как автор листовки выступает субъектом, отвечающим за данные обещания. Менее удачными являются конструкции от третьего лица, когда автором листовки представляется доверенное лицо кандидата. Такая связь «адресант → → автор → адресат» является косвенной, поэтому адресату необходимо предварительно поверить посреднику в том, что обещания адресанта реалистичны.

Интенциональная структура предвыборной листовки, включающая акт обещания как ведущий интенциональный тип, подготавливает читателя к принятию данной информации, воздействуя на его сознание с конечной целью заставить проголосовать за одного из кандидатов.

Способы представления обещания в листовке создаются в целях убеждения адресата в реальности обещаний, их непременно воплощении. Именно поэтому в предвыборных листовках чаще всего используются высказывания, направленные на продуцирование действия, поступка, что указывает на перформативность акта обещания. Смысловым ядром текста листовки является выражение «Я обещаю изменить вашу жизнь в лучшую сторону, если вы выберете меня».

Однако нередко само обещание и тот, кто обещает, семантически разводятся (так как обещанная ситуация относится к сфере будущего и реально не существует и достоверно не известно, будет ли существовать), обещание заменяется разными видами косвенной связи, что делает коммуникативный акт обещания завуалированным, неопределенным. В результате становятся редкими эксплицитно выраженные обещания, возникают его семантические эквиваленты. Анализ показал сравнительно небольшое количество употреблений **прямых обещаний**, т. е. высказываний с эксплицитно выраженной лексемой «*обещаю*», что подтверждает вывод о необходимости для политика «смысловой неопределенности». Проанализированный материал текстов листовок позволяет нам сделать вывод о том, что интенция обещания часто заменяется разновидностями, в которых усиливается или снижается достоверность, реалистичность его выполнения, а это влияет на воздействующий эффект всего текста. Казахстанские политики часто используют для выражения ведущей интенции интенциональные значения обещания: обещание-намерение, обещание-желание, обещание-стремление и обещание-клятву. Указанные значения содержат разный коммуникативный смысл, по-разному конкретизируя, уточняя интенцию обещания в зависимости от дополнительных установок говорящего.

1. Языковая реализация обещания-намерения.

Интенциональное значение *намерения* имплицитно выражает акт обещания, при котором больше *предполагается* то, что данное слово будет сдержано. **Обещание-намерение** указывает на замысел адресанта выполнить действие и носит рационально-осмысленный характер, оценку адресантом возможности осуществления обещанного, а также поиск путей его реализации. Однако данные значения не закреплены обязательствами выполнения, проверкой его достижения, а опираются на потребность субъекта сдержать слово, которая зависит от индивидуальных качеств говорящего, его ответственности за данные им слова.

Типовой моделью обещания-намерения является модель «*намерен + инфинитив несовершенного вида*», что указывает на протяженность действия во времени, его бесконечность и возможное отсутствие результата. Такие конструкции снижают степень достоверности обещанного: *Мы намерены: снизить уровень безработицы; добиваться создания около 100 тысяч новых мест ежегодно <...>* (из предвыборной листовки народно-демократической партии «Нур-Отан»); *Достигнув определенного уровня политической зрелости, намерен вместе с партией „Нур Отан“ содействовать дальнейшему социально экономическому развитию нашего города* (из предвыборной листовки А. Дугалова); *Партия „Ак жол“ намерена искоренять причины коррупции, потому что сегодня власть борется только с последствиями* (из предвыборной листовки партии «Ак жол»).

Частотность интенционального значения обещания-намерения объясняется его способностью означать как действие, направленное на будущее, так и гарантию того, что действие будет выполнено. Использование различных средств, заменяющих эксплицитное выражение обещания имплицитным, — намерением, — позволяет кандидатам часто уходить от ответа, чем и объясняется активность его употребления.

2. Языковая реализация обещания-желания.

Другой разновидностью обещания является интенциональное значение «**обещание-желание**», включающее в свою семантику потребность адресанта осуществить данное обещание. Обещание-желание относится к когнитивной сфере, в которой акцентируется внимание на внутренней потребности выполнить действие, осуществить что-либо. Часто высказывания, реализующие интенцию обещания-желания, содержат кон-

статацию неблагоприятной обстановки и желание кандидата изменить ее.

Типовой моделью выражения обещания-желания является модель «*хочу / желаю / верю...., предлагаю ... , способен... + инфинитив несовершенного вида*»: *Наша партия „Ауыл“ — за ответственный подход во всем. Наши слова не расходятся с делами. Я хочу служить народу Казахстана и иду на выборы, чтобы защитить интересы сельчан* (из предвыборной листовки Р. Шокеева); *Я предлагаю утвердить для социально уязвимых слоев населения минимальный социальный стандарт на городском уровне (услуги, предоставляемые гражданам на безвозвратной и безвозмездной основе) за счет местного бюджета* (из предвыборной листовки Б. Ж. Бакауова).

Такие выражения (*хочу служить, предлагаю утвердить* и др.) говорят о том, что кандидат готов выполнить обещанное, однако выполнение его зависит от обстоятельств, от внешних факторов, которые, чаще всего, играют не в пользу того, кто желает выполнить действие.

Обещание-желание основывается на большой потребности кандидата осуществить обещанные благодеяния. Обычно кандидаты апеллируют к таким качествам, как умение держать слово: *Вы изберете депутата, умеющего действовать и убеждать, человек твердого слова, который всегда выполняет свои обещания, а дела доводит до конца* (из предвыборной листовки Н. П. Шабрата); *Анатолий Винерцев — человек дела, он не бросает слов на ветер и всегда выполняет свои обещания* (Н. М. Бутин); *Я знаю, что делаю и делаю, что обещаю* (из предвыборной листовки С. Т. Сулейменова); *Главным качеством депутата считаю умение выполнять обещания* (из предвыборной листовки В. Руфа).

Желание кандидата осуществить предвыборную программу является сильным аргументом в его пользу, в интенциональном значении обещания-желания содержится и обещание, и обоснование того, что оно будет выполнено: *Мы верим — ты достоин своей мечты! Мы хотим помочь осуществить ее. Вместе мы способны сделать реальностью твою мечту! Голосуй за свою мечту! Голосуй за „Ак жол“!* (из предвыборной листовки партии «Ак жол»). Апелляция к желаниям адресата и желание адресанта осуществить мечту первого представляют некую формулу в данных высказываниях.

Необходимо отметить то, что обещание-желание, эксплицирующее семантику внутренней потребности кандидата выполнить обещанное, ограничено лишь внутренним

влечением субъекта к осуществлению действия, выполнение обещания-желания зависит от внешних обстоятельств, т. е. выполнение обещанного действия будет зависеть от факторов, не зависящих от адресанта.

3. Языковая реализация обещания-стремления.

Таким же, как обещание-желание, по частотности функционирования является интенциональное значение **«обещание-стремление»**. Обещание-стремление близко обещанию-желанию тем, что так же делает акцент на внутреннем мире человека, на его потребности совершить действие, но, в отличие от желания, стремление приобретает *более активный, целеустремленный характер*. Стремление предполагает настойчи́вость в осуществлении чего-либо, устремленность к этому, поэтому использование высказываний, реализующих данную интенцию, означает направленность на осуществление обещаний, устремление адресанта всеми возможными средствами добиться результата.

Типовая модель обещания-стремления — *«буду стремиться»*: *Мы будем стремиться: снизить бюрократизацию управления, оптимизировать структуры государственного аппарата; обеспечить прозрачность работы государственных органов <...>; совершенствовать программу формирования „электронного правительства“; <...>* (из предвыборной листовки партии «Нур-Отан»).

Семантическими эквивалентами данного типа обещания являются конструкции с инфинитивом несовершенного вида, номинативные предложения, глагольные формы будущего времени, конструкции с семантикой долженствования. Лексема «должны» имплицитно указывает на обязательность выполнения какого-либо действия, призыв к чувству долга, ответственности: *Вы согласны, что за выполненную работу мы должны получать достойное и своевременное вознаграждение, <...> пожилые люди достойны заслуженного отдыха, город, в котором мы живем — это наш дом, мы должны беречь его. Если вы согласны со мной, значит, мы думаем одинаково, значит, я могу рассчитывать на вашу поддержку* (Из предвыборной листовки кандидата в депутаты Павлодарского городского маслихата М. Желнова); *Павлодар — мой и ваш город, нам здесь вместе жить. Он должен быть чистым и красивым* (из предвыборной листовки кандидата в депутаты Павлодарского городского маслихата С. В. Бабенко). Соединение «мы» инклюзивного с долженствованием создает ситуацию

совместности и частично снимает ответственность за сказанное и сделанное с кандидата, так как автор оговаривает условия выполнения обещания: если мы будем действовать сообща, у нас все получится, если нет, я попробую реализовать обещанное, но не уверен, что выйдет.

Таким образом, стремление кандидата улучшить ситуацию косвенно указывает на выполнение обещания. Различными языковыми средствами создается иллюзия действий, направленных на реализацию предвыборной программы, а значит, на воплощение обещаний. Данное интенциональное значение активно эксплуатируется авторами листовок, так как опосредованно указывает на выполнение обещаний и снимает в какой-то мере груз ответственности за сказанное.

4. Языковая реализация обещания-клятвы.

Наименее используемым, но, бесспорно, самым эффективным в качестве манипулятивного воздействия является интенциональное значение «обещание-клятва». Рассмотренная выше семантическая наполняемость подобных понятий позволяет безоговорочно создавать эффект твердого выполнения обещаний. Как нами уже было замечено, сама природа предвыборного дискурса не рассматривает ситуации с использованием выражений «клянусь», «клятвенно обещаю» и т. п. в силу их торжественности и высокого стиля. Однако в предвыборных листовках наблюдается замена данных понятий близкими по смыслу или тождественными выражениями.

Типовой моделью обещания-клятвы являются конструкции типа *«брать на себя ответственность/обязанность...»*, *«уверенность в сказанном...»*, *«считаю обязанностью, долгом...»* и т. д. Данные конструкции существенно отличаются от конструкций с семантикой «намерение». Использование в тексте листовки слов *ответственность/обязанность* делают ее весомее, так как в их семантике присутствует смысл «выполнить обещание»: *Ак жол — партия людей, переживающих за судьбы своих детей и будущее своей страны. Мы берем на себя ответственность за реализацию предложенной программы* (из предвыборной листовки демократической партии «Ак жол»); *Перед нашим обществом стоят сложные задачи. Но мы считаем своим долгом справиться с ними; Проработав четыре года депутатом областного маслихата, я с уверенностью могу сказать: полученный опыт, знание экономики и финансов, опыт руководителя, понимание проблем региона и видение путей их решения послужат делу дальнейшего развития региона, улучшению*

жизни каждого жителя Павлодарской области (из предвыборной листовки Л. Белогривого).

Такие высказывания представляются программой действий, планом деятельности, совокупностью действий и мероприятий для осуществления чего-либо. Поэтому естественно наблюдать в подобных конструкциях выражения, указывающие на субъекта как гаранта выполнения обещаний посредством лексем **гарантирую, обязуюсь, добьюсь** и др.: *Гарантирую моим избирателям, что я введу как депутат гормаслихата постоянный и требовательный контроль за реализацией сельхозпродукции в магазинах и на рынках* (из предвыборной листовки Ш. К. Ахмера); *Обязуюсь отстаивать права своих избирателей и бороться за сегодняшнюю достойную жизнь каждого, и особенно самых обделенных слоев населения: пенсионеров, детей-сирот, инвалидов, работников социальной сферы, матерей* (из предвыборной листовки Г. И. Мотиной). Данные высказывания представляют собой речевые акты гарантии и обязательства, но по принципу семантической близости речевому акту *клятвы* были объединены в одну группу.

Таким образом, включая семантику неременного выполнения, достоверности, реальности выполнения сказанного, интенциональное значение «обещание-клятва» является наиболее действенным способом убеждения адресата в истинности данных слов и, как следствие, в политической ответственности кандидата, что предполагает больше шансов на его успех в предвыборной гонке. Понимая всю важность данных обещаний, политики избегают часто использовать рассмотренные конструкции в текстах листовок, заменяя их другими видами связи, вуалирующими семантику обещания.

Рассмотренные интенциональные разновидности ведущей интенции листовки — обещания — активно функционируют в речи казахстанских политиков. Анализ показал, что наиболее частотными являются такие интенциональные значения, как «обещание-намерение» и «обещание-стремление», что объясняется стремлением представить свою

программу как достоверную, реалистичную при возможности не утверждать ее верифицируемость. Наименее активны интенциональные значения «обещание-желание» и «обещание-клятва», характеризующие обещание выполнением двух условий: наличия желания адресанта держать слово и безусловной его выполнимости. Однако понимание обещания как акта обязательства устраивает не всех авторов листовок, в основном происходит размытие понятия обещания и появление у него новых смыслов, нужных политику (чем и объясняется низкий показатель реализации эксплицитной интенции обещания в предвыборной листовке). Способ подачи предвыборного обещания, степень его достоверности и реальность воплощения диктуются компетентностью кандидата, способностью к выполнению данного слова и политическими возможностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрющенко О. К. Понятие обещания в русской речевой культуре // Полиязычие: этнос — культура — коммуникация : сб. статей и материалов Междунар. науч.-практ. конф. — Павлодар, 2008а. С. 24—30.
2. Андрющенко О. К. Традиции функционирования и трансформация речевого акта обещания в предвыборном дискурсе // Мир и человек: история, современность и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Новосибирск, 2008б. С. 29—38.
3. Андрющенко О. К. Особенности реализации интенции обещания в русскоязычных предвыборных листовках // Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии : материалы 2-го Междунар. конгресса. — Астана, 2009. С. 169—175.
4. Андрющенко О. К. Обещание в паремиях: речевой идеал русского человека // Экология языка и речи : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 80-летию проф. В. Г. Руделева. — Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. С. 114—117.
5. Ахатова Б. А. Коммуникативные технологии воздействия в политическом дискурсе // Вестник КазНУ. Сер. филологическая. 2005. № 7 (89). С. 20—22.
6. Ильин М. В. Слова и смыслы: опыт описания ключевых политических понятий. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева